

Наука и нравственность

Ю. А. Золотов

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗОЛОТОВ — академик РАН, доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой аналитической химии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заведующий лабораторией Института общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова РАН (ИОНХ РАН). Область научных интересов: аналитическая химия, методы разделения и концентрирования, экстракция неорганических веществ, методология науки.

117071 Москва, Ленинский просп., 31, ИОНХ РАН, тел. (095)236-53-27

«Никто не может быть совершенно свободным,
пока не все свободны.
Никто не может быть вполне нравственным,
пока не все еще нравственны».

Герберт Спенсер

«Нравственность учит не тому, как стать счастливым,
а тому, как стать достойным счастья».

Иммануил Кант

Считается, что политика беспринципна, точнее, у нее есть один принцип — принцип выгоды, понимаемой, конечно, не в узком меркантильном смысле слова. Соответственно ведут себя политики, в той или иной степени маскируя это. Один известный деятель из этой сферы, к тому же член академии наук, чуть более мягко, говорил, что у политиков на первом месте рациональность, мораль — на втором месте (добавим: хорошо, если на втором). Другой политик рассуждал в печати о том, как дозировать ложь: без нее, мол, разумеется, не обойдешься, но уж не перебарщивайте...

Работа в науке базируется на иных подходах. Научный работник, для которого нравственное начало мало что значит, едва ли может считаться ученым в истинном смысле этого слова. Того, кто занимается научным исследованием, испокон века отличали страстное стремление к истине, благоговейное отношение и искренняя любовь к самому процессу добывания этой истины, понимание значимости открытия и способность глубоко переживать радость получения нового результата, верность убеждениям, уважение к факту, самоотверженность, честность и бескорыстие.

Конечно, современный читатель, прочтя это, вздохнет, чуть засомневается и подумает, что да, вероятно, так было. Однако не случайно из современных театральных пьес исчез образ чудако-

ватого, не от мира сего профессора, поглощенного своими бабочками или камушками. Да и каждый вспомнит про коллегу, который не прочь поинтриговать, или про другого, любящего приписаться к чужому результату, или про третьего, который — ну просто явный карьерист. И тем не менее научные работники в своей массе достойные люди, у ученых свой менталитет, спокойный, трезвый взгляд на объективно существующее, своя, в целом очень неплохая, система отношений внутри сообщества.

В нашей стране, к сожалению, не прошли даром семьдесят советских лет. Молодым легко будет понять, насколько трудно было соблюдать общепринятые нормы морали, если напомнить, что моральным объявлялось то, что способствует делу построения коммунизма. Если большая ложь «способствует» этому, она считается оправданной, если делу революции требуется расстрел тысячи несогласных с ее идеалами, это вполне морально. Ученым вместе со всеми приходилось лицемерить, терпеть фальшь, молчать, когда молчать было нельзя, и одобрять то, что одобрять не следовало бы. Нельзя жить в обществе и быть свободным от него; разъедающее влияние коснулось и ученых, кого-то слабо, а кого-то почти разложило.

Все мы в той или иной степени несем на себе груз прошлого. Но дело, конечно, не только в

этом нашем прошлом. Будто все ученые в США или в Германии идеальны с точки зрения морали! Будто не было совсем уж никаких конфликтов с нравственными устоями у наших дореволюционных коллег! И все-таки лучше говорить о том, что беспокоит нас сейчас здесь, в нынешней России.

Соавторство

Руководители службы, которая еще недавно называлась ГАИ, говорят, что с лихоимством дорожных инспекторов очень трудно бороться: во взятке заинтересованы оба — и тот, кто дает, и тот, кто берет. Похожую картину мы имеем и с соавторством.

Часто молодой сотрудник предпочитает иметь шефа-администратора в числе авторов: статья будет проходить легче и шеф не будет обвинять в получении ненадежных результатов (ведь подписал!), к тому же в будущем можно будет, показывая список публикаций, подчеркнуть, что работал с именитым человеком и т.д. Хотя уголовный кодекс предусматривает наказание и взяткополучателю, и взяткодателю, груз моральной ответственности лежит прежде всего на получателе, в нашем случае на шефе-администраторе.

Наряду с другими факторами (и способами) соавторство приводило к тому, что человек цепкий, достаточно умный и хорошо ориентирующийся легко мог сделать научную карьеру, не обладая ни талантом, ни любовью к науке, ни добросовестностью, ни вообще какими бы то ни было качествами настоящего ученого. Такие люди обычно стремятся к власти, а получив ее, двигаются выше с ускорением, становясь «соавторами» все большего числа работ. Увы, соавторство, действительно, позволило войти в науку людям, не имеющим истинных качеств научного работника, но обладающим властью; именно соавторство позволило им получить ученые степени и звания.

Ясно, что здесь не имеется в виду ситуация, когда шеф — настоящий соавтор: он предложил тему и идею, он обсуждал результаты, корректировал ход работы и т.п. Речь не о том. Однако со стороны трудно понять, каков был вклад шефа и исполнителя. Тут как в любви: это дело двоих, только они знают все, никакие разбирательства в профкоме и тем более в суде не помогут. Вопрос этот — этический. И непростой.

Честолюбие и карьеризм

Многие ученые честолюбивы. Греха в этом нет, дело только в том, на чем именно хотят и могут они самоутвердиться. Развил новую теорию, получил очень важный экспериментальный результат, сделал серьезное обобщение, проливающее свет на неоформленную ранее гряду чу-

жих фактов, — хочется, чтобы об этом узнали, чтобы это оценили, чтобы автора похвалили. И это совершенно нормально. Более того, честолюбие на этом пути — мощный стимулирующий фактор.

Но бывает, что честолюбие «иные рвет плотины». Зачастую цель — ученые степени и звания, а собственно научные результаты — средство для этого; соответствующим образом к ним и относятся. Дальше — больше: сами ученые степени и звания в какой-то мере становятся средством, а цель — высокое место в служебной иерархии, должность.

И здесь проявляется отечественная специфика. В американских университетах деканов факультетов избирают на относительно короткий срок, часто по очереди, никто особенно не рвется на эту должность, занимают ее по обязанности: должен же кто-то готовить расписание экзаменов и осуществлять связи с ректором. У нас иначе: должность дает права и привилегии. Преданный науке бессребреник устоит, если ему предложат «место», зачем оно ему, оно только отвлечет его от собственного научного поиска. Но много ли таких? Напротив, немало коллег, для которых хорошая должность — заветная мечта.

Я бы поостерегся называть их карьеристами, это было бы неправильно. Но бывают активные борцы научного фронта, которые идут к цели, к званию и должности, как говорится, по головам, не считаясь не то чтобы с нравственными нормами, но подчас даже с общими правилами «игры» в данном сообществе. Вот они-то — настоящие карьеристы.

Роальд Зиннурович Сагдеев, академик-физик, писал в свое время о периоде застоя и начале перестройки: «...Как-то очень тихо, незаметно происходило перерождение в сфере морально-этических норм. Это объясняется тем, что продвигались вверх выгодные правящей элите «ученые», которые готовы были в любой момент из конъюнктурных, карьерных соображений проштамповать то или иное решение. Эти ученые получали специальные вакансии при выборах в Академию наук. Правда, были случаи, когда благодаря принципиальности и решительности подлинных ученых удавалось останавливать карьеристов, но то были лишь отдельные эпизоды, связанные, как правило, с выявлением наиболее одиозных фактов. В целом же в нашей науке шел процесс эрозии моральных стандартов. Естественно, он сопровождался понижением ее собственно научного уровня».

Высказывания академика непосредственно касались только Академии наук СССР. Между тем положение везде было похожим, может быть, даже в Академии оно было не самым худшим. Был отчасти испорчен нравственный климат ряда учреждений, появилось немало дельцов от науки, для которых ничто не было свято — ни десять христианских заповедей, ни «моральный кодекс строителя коммунизма».

У нас не очень приживается понятие «менеджер в науке», да это и понятно: занявший пост организатор чуть ли не автоматически становится «крупным ученым». Различия между менеджерами и исследователями не только не подчеркиваются, но даже, пожалуй, сознательно смазываются.

О научном подлоге

Приведу два случая из собственной научной жизни. Когда я был аспирантом в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского, в нашем коллективе работала молодая женщина, младший научный сотрудник или старший лаборант, не помню точно, которая вела химический эксперимент и измеряла радиоактивность. У руководителя возникли подозрения, что она «подправляет» результаты или вносит в лабораторный журнал данные, которые вообще не получала. И однажды ее уличили, приперли к стенке и та подтвердила, что грех был. Но в науке это не грех, в котором можно покаяться и который можно простить. Надо отдать должное заведующему лабораторией: эту женщину немедленно уволили. И, думаю, другого решения не должно было быть.

Через несколько лет в нашем институте случился скандал покрупнее. Один старший научный сотрудник, изучавший химию редкостного радиоактивного элемента, опубликовал спектр какого-то соединения этого элемента. Через некоторое время химики Курчатовского института получили это же вещество и измерили его спектр; он оказался совершенно не похожим на опубликованный. Курчатовцы повторили эксперименты, все тщательно проверили, и в наш институт была направлена делегация со спектрами и соответствующим письмом. Первооткрывателя разоблачили. У него это была не ошибка, спектр был опубликован не по недоразумению, речь шла о подделке результата. И что же?

«Героя» не выгнали, он остался в институте, причем далеко не дворником.

Человека за многое можно и нужно прощать, но подлог в научной работе прощать нельзя. «На кол» провинившегося сажать не надо, нельзя его и судить, просто такой человек в принципе не должен заниматься научной работой — он не понимает и не уважает науку.

Нравственная атмосфера в научном коллективе

Видимость дружбы, взаимоподдержки и взаимовыручки может быть и в криминальном сообществе, но нормальный нравственный климат там невозможен. Для любого социального сообщества важно, что объединяет людей, чем они занимаются, важно понимание общественного смысла и значения того, что делают люди в коллективе. В этом отношении научный коллектив близок к идеальному.

Но на деле бывает по-разному. Когда интенсивно работают над нужной и интересной проблемой, атмосфера обычно бывает хорошей; если же повторяют зады, да еще и не на очень высоком уровне, и все это понимают и не очень уж отдаются делу, климат может испортиться. Да и многое зависит от того, кто стоит во главе команды.

Здесь хочется процитировать известного нашего биохимика В. Бреслера: «Ничего сделать нельзя до тех пор, пока не будут восстановлены нормальный нравственный климат внутри самой науки, истинная шкала ценностей — уважение к таланту, знаниям, высокому качеству работы, подлинная терпимость к иной точке зрения, умение вести полемику, доброжелательность и внимание к молодежи. И, кроме того, настоящая нетерпимость к карьеристам и спекулянтам от науки. Никакие вложения средств без этого не помогут...».